

А. А. КАРА-МУРЗА

Герцен: В поисках русской личности

Для тех, кто связал свою жизнь с философским домом на Волхонке, 14 (будь то маститый ученый Института философии РАН или юный студент университета), Александр Герцен — особая фигура. Именно сюда, на Волхонку, в городской дом-усадьбу князя Сергея Голицына, молодой Герцен был вынужден в 1834–1835 годах регулярно, в течение многих недель, ходить на следствие созданной Высочайшим указом Особой комиссии по делу о неблагонадежной молодежи. Председательствовал князь Голицын — попечитель Московского учебного округа, а заседания Комиссии проходили в его рабочем кабинете на втором этаже. Внимательно перечитав вторую главу «Былого и дум», нетрудно понять, за что был арестован и впоследствии сослан Герцен. Прямых улик против него не было, и по существу он ответил за то, что не пошел на сделку со следствием: не стал предавать своих товарищей, сам не каялся и не просил пощады, хотя следствие активно предлагало ему это. Личная честь — вот залог индивидуальной свободы, а вовсе не формальная свобода, добытая путем предательства себя и других. Вот — то кредо Герцена, которому он остался верен всю жизнь.

1870 год — особый и в некотором смысле провиденциальный в истории России. В самом начале года в Париже

внезапно умирает Александр Герцен. И тут же в далекой России рождаются два человека, в итоге очень разные, но оба активно апеллировавшие к наследию Герцена. В Перми в семье генерал-губернатора рождается Петр Струве, а в Симбирске, в семье попечителя округа и тоже генерала,— Володя Ульянов. 140-летие обоих — Струве и Ульянова-Ленина — активно праздновали в России, правда, прямо противоположные общественно-политические силы. И для тех и других — и либералов, и радикалов Герцен является опорной фигурой. В чем тут дело?

В свое время большевистские пропагандисты не- мало преуспели в том, чтобы записать русское свободомыслие XIX века в собственную, коммунистическую родословную. Декабристы, Герцен, демократическое разночинство — все это, оказывается, было лишь необходимым прологом к появлению ленинского, а затем сталинского большевизма. Следует признать, что это было неглупо задумано и с усердием реализовано. Последствия подобной фальсификации ощущаются и сегодня: многие, относящие себя к либералам, к примеру, до сих пор с некоторым подозрением относятся к Герцену, смутно припоминая его критичный взгляд на современную ему Европу, а также приверженность некоей «русской общности».

Действительно, ко всем несчастьям с наследием Герцена, к процессу дезориентации в истинном смысле его идей приложили руку и наши новейшие псевдодемократы. Причина этого состоит в том, что Александр Герцен, как никто, преуспел в демистификации русского западничества, замечу — изнутри европеистского и либерального лагеря. Герцен — выдающийся самокритик либерализма и западничества — и тем самым человек для псевдодемократов и псевдозападников опасный.

Европа или не-Европа?

Еще в ранней работе «Двадцать осмое января» (1833) молодой Герцен задавался ключевым для цивилизационной идентификации России вопросом: «Принадлежат ли славяне к Европе?» и недвусмысленно отвечал: «Нам кажется, что принадлежат, ибо они на нее имеют равное право

со всеми племенами, приходившими окончить насильствен-ною смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию; ибо они связаны с нею ее мощной связью — христианством; ибо они распространились в ней от Азии до Скандинавия и Венеции»*.

Но далее с необходимостью вставал другой вопрос: если существует славяно-европейское генетическое сродство, откуда так велико и разительно различие между наличной Россией и Европой? В той же работе 1833 года Герцен развивает мысль о том, что дело — в существенном отставании России во времени, обусловленном не только неблагоприятными ее факторами развития, но и чрезвычайно благоприятными факторами развития Европы. Среди последних Герцен, находившийся тогда под влиянием классической немецкой диалектики, особо выделял то обстоятельство, что, в отличие от России, развитие Европы протекало в условиях сталкивания многообразных противоречий, которые и «высекали искры прогресса»: «Доселе развитие Европы была беспрерывная борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами, с народами, наконец, собственников с неимущими. Но человечество и должно находиться в борьбе, доколе оно не разовьется, не будет жить полною жизнью, не взойдет в fazu человеческую, в fazu гармонии, или должно почить в самом себе как мистический Восток. В этой борьбе родилось среднее состояние, выражющее начало слияния противоположных начал,— просвещение, европеизм»**. Итак, только в борьбе противоречий и складывается прогресс, просвещение, европеизм, развитая цивилизация.

Двойственность России, таким образом, состояла в том, что, будучи по происхождению частью европейской цивилизации, она, лишенная исторического динамизма, «сложившаяся тugo и поздно», не развилась в Европу. В силу особенностей своего географического положения

* Герцен А. И. Двадцать осмое января // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 30.

** Там же. С. 31.

(«огромное растяжение по земле») и истории, Россия была более склонна к «восточному созерцательному мистицизму» и «азиатской стоячести»: «В удельной системе не было ни оппозиции общин, ни оппозиции владельцев государю <...>. Двухвековое иго татар способствовало России сплавить в одно целое, но снова не произвело оппозиции. Основалось самодержавие — и оппозиции все не было»*.

Эту же мысль об односторонности и дефицитности продуктивного противоречия в русской жизни Герцен впоследствии разовьет в работе «О развитии революционных идей в России» (1851): «В славянском характере есть что-то женственное; этой умной, крепкой расе, богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии. Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне»**.

Петр Великий — «варвар-просветитель»

Именно здесь находил молодой Герцен разгадку того мощного цивилизационного импульса, который был задан российскому обществу преобразованиями Петра Великого — человека «с наружностью и духом полуварвара», но «гениального и незыблемого в великом намерении приобщить к человеческому развитию страну свою». Гений Петра, по Герцену, заключался именно в том, что он впервые *породил* в России оппозицию... в своем собственном лице: «Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собою Европу, задал себе задачу перенесть европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь»***.

Принято считать, что Герцен долгое время был в России одним из лидеров «западнической партии». Но, как пред-

* Там же. С. 31–32.

** Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 154.

*** Герцен А. И. Двадцать осмое января // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 32.

ставляется, изначальный выбор в пользу «западничества» был для него не столько рычагом односторонней и тотальной победы над «самобытниками», сколько способом наиболее результативного решения проблемы продуктивного синтеза в России «новации» и «традиции». Ведь не зря Герцен неоднократно подчеркивал двуединство комплекса «западничество-славянофильство» и то глубинно-общее, что объединяло «друзей-недругов»: «Головы смотрели в разные стороны — сердце билось одно».

По всей видимости, раннего Герцена не устраивала в «славянофильстве» вовсе не защита «традиции», как та-ковой, а неконструктивность упора на реанимацию порушенной и к тому же мифологизированной традиции, неспособность славянофилов продуктивно разрешить потенциально живительное противоречие «традиция-новация». Западник Герцен и сам не утаивал свою основную претензию к славянофильству: он видел в нем скорее «инстинкт» и «оскорбленное народное чувство», нежели полноценное «учение», и уж, тем более, «теорию». Поэтому и «западничество» для Герцена имело смысл не столько как партия, добивающаяся одностороннего выигрыша, но как более осмысленный (т. е. рациональный), чем у славянофилов, путь к достижению продуктивной интегральной формулы в конфликте традиции и новации. Ведь изначальная посылка русских западников, по мнению Герцена, исторически бесспорна: «Кнут, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутенов и фухтелей». А потому более осмысленна и плодотворна и конечная цель «европейцев»: «Европейцы <...> не хотели менять ошейник немецкого рабства на православно-славянский, они хотели освободиться от всех возможных ошейников»*.

Поэтому уже у молодого Герцена резко вычерчивается и критическая по отношению к Петру-реформатору линия: петровская практика «варварской борьбы против варварства» не в состоянии была обеспечить искомой «человеческой вольности». Насильственное озападнивание, европеизация «из-под кнута» ведет, по Герцену, не

* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. С. 234.

к свободе, а к утрате последних остатков русской свободы. Отсюда вывод: насилиственное насаждение на Руси Европы не привело к европейскому результату — свободе личности. Как ранее «азиатская» безальтернативность давила русского человека, так и ныне реформаторская «безальтернативность», убившая потенциал животворного диалога нового со старым, также парализовала становление российской личности...

Но если Петр все-таки затеял с Россией сложнейший культурный эксперимент с определенными шансами на выигрыш, то его менее талантливые и творческие преемники быстро растраничили петровское наследство. Вместо насилия во имя все-таки просвещения, от петровского замысла осталось голое, бессмысленное насилие. В работе «Молодая и старая Россия» (1862) Герцен констатирует окончательное вырождение послепетровской государственности — не только в годы «николаевщины», но и «alexандровских метаний»: «В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий,— террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс»*.

Путь в Европу: искушения и ловушки

Нестандартность мышления Герцена состояла в том, что он — безусловный европеист по культуре — не страшился указывать на издержки и опасные следствия принудительной и потому поверхностной европеизации России. Отход Герцена от прямолинейного западничества не означал перехода в славянофильский лагерь. В отличие от славянофилов, Герцен до конца остался резким критиком до-петровской Руси. Главным критерием его оценок оставался все тот же — наличие в обществе «свободы лица»: «У нас

* Герцен А. И. Молодая и старая Россия // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. VIII. М.: Правда, 1975. С. 143.

лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить,— писал Герцен в работе «С того берега» (1849). «Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу; человек пропадал в государстве, распускался в общине»*. Но и петровское наследие сверху европейских порядков не привело в России к существенному расширению личностной свободы. Герцен формулирует знаменитый парадокс, который потом очень часто использовался русскими антизападниками, но который свидетельствует лишь о последовательном либерализме Герцена, ставящего «человечность» выше формальной принадлежности к западнической партии. По его мнению, человеческая личность в России оказалась стиснутой двумя формами несвободы — принудительной азиатчиной старой Московии и принудительным же европеизмом после-петровской России.

В огромной литературе о Герцене ключевым моментом эволюции его политических взглядов неизменно считается «разочарование в Европе». Что же так неприятно поразило при встрече с реальной Европой западника Герцена? В работе «Концы и начала» (1862) он сам написал об этом, и его умонастроение выдает в нем несомненного либерала: «...я с ужасом, смешанным с отвращением, смотрел на беспрестанно двигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя, как она у меня отнимет полместа в театре, в дилижансе, как она бросится зверем в вагоны, как нагреет и насытит собою воздух... Люди, как товар, становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле, плоше врозь, но многочисленнее и сильнее в массе. Индивидуальности терялись, как брызги водопада, в общем потопе»**.

По существу, Герцен уловил первые дуновения *грядущих тоталитарных форм* общества, возросших там, где европейские принципы свободы утрачивали свой иммунитет перед натиском «массового общества». Его размышления,

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 15.

** Герцен А. И. Концы и начала // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. VIII. С. 129.

кстати, былиозвучны опасениям самих европейских либералов, например, современника Герцена — Джона Стюарта Милля. В своем знаменитом эссе «О свободе» Милль приходит к выводу о том, что в развитии каждого европейского народа, похоже, «есть предел, после которого он останавливается и делается Китаем». Культурное упрощение Европы, жизнь, заполненная не творческими стремлениями, а «пустыми интересами», приводит, согласно и Миллю, и Герцену, к «новой китайщине». Мещанская цивилизация, утрачивая былой импульс к развитию, может привести к полному стиранию человеческого лица, к всеобщей нивелировке, наподобие старой «азиатчины».

По сути дела, Герцен стал одним из первых европейских мыслителей, кто, задолго до Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Фромма и Х. Арендт, подверг критике те явления, которые позднее были названы «бегством от свободы», и торжество которых породило в конечном счете европейские формы авторитаризма и тоталитаризма. Оказалось, быть европеистом — это не означает безудержно восхвалять «любую Европу». Ответственный европеизм — это в большой степени критика наличной Европы с позиций фундаментальных культурных первооснов Европы, и, в первую очередь — с позиции принципов «свободы лица» и личного достоинства.

Сам Герцен отлично понимал, что его постепенно накапливающееся критическое отношение к Западу может сыграть на руку противникам русского европеизма, но интеллектуальная честность была для него превыше всего: «Я знаю, что мое возврение на Европу встретит у нас дурной прием. Мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее так, как христиане верят в рай. Разрушать мечты вообще дело неприятное, но меня заставляет какая-то внутренняя сила, которой я не могу победить, высказывать истину — даже в тех случаях, когда она мне вредна». Герцен, однако, до конца жизни продолжал ценить Европу именно за это — за возможность свободно высказывать истину. Еще в начале эмиграции, в работе «С того берега» (1849) он писал друзьям о том, почему сознательно выбирает Европу: «Не радость, не рассеяние, не отдых, не даже личную безопасность

нашел я здесь... Остаюсь затем, что борьба — *здесь*, что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется... За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту гласность — я остаюсь здесь...»*. И далее Герцен формулирует принцип, который он пронес через всю жизнь и который позволяет говорить о его несомненной приверженности либеральной идее: «Свобода лица — величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе»**.

Между либерализмом и демократией

А. И. Герцен принципиально различал «демократию» и «мещанство». Известные претензии Герцена — либерала и демократа одновременно — к либералам-охранителям сводились к тому, что те оказались не готовы к демократизации своих либеральных убеждений и фактически потакали «омещаниванию» и «новой китайской стоячести». Да, полагал Герцен, были времена, когда претензию на свободу личности высказывало лишь образованное меньшинство, и либеральный аристократизм был тогда естествен и оправдан: «Я не моралист и не сентиментальный человек; мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гёте, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина». Но защитники привилегий узкого меньшинства (в том числе, и на свободу) оказались в тупике и смятении, когда на авансцену истории явился — «не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле —...работник с топором и с черными руками, голодный и едва одетый рубищем.

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. III. М.: Правда, 1975. С. 229.

** Там же. С. 230.

Этот “несчастный, обделенный брат”, о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство»*.

Герцен, не оставляя своих либеральных убеждений (их основа, по-прежнему,— «свобода лица»), был готов принять этот вызов демократизма — его идеалом общественного служения всегда были «политические Дон-Кихоты» наподобие Дж. Гарибальди и Дж. Мадзини.

Между тем русские оппоненты Герцена — либералы-государственники К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др. предпочли охранение элитарных свобод, теперь уже не только от самовластья верхов, но и от посягательств проснувшихся низов. Результат этого спора внутри либерального лагеря известен — в России не удалось удержать ни демократии, ни либерализма...

Социализм против «азиатчины»

Разработка А. И. Герценом концепции «русского социализма», вопреки многим представлениям, нисколько не отлучила его от русско-европейской либеральной традиции. Напротив, «социализм» Герцена, как он его понимал,— это способ сбережения «свободы лица», форма защиты цивилизации от наступления «новой китайщины». Очень характерно, что во многих работах Герцен ставит «русский социализм» в один ряд с «американской моделью». Он неоднократно высказывает мысль, что для своего спасения европейская цивилизация должна получить новый импульс со стороны молодых, свежих наций: «Мы ничего не пророчим; но мы не думаем также, что судьбы человека пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся». Для Герцена было несомненно, что одна из этих молодых наций, которой принадлежит будущее,— это Северо-Американские Штаты;

* Там же. С. 267.

другой, возможно, станет Россия — «полная сил, но вместе и дикости»*.

Итак, разочаровавшийся в современной ему Европе, Герцен вовсе не отказывается от принципов «свободы лица», как хотели представить дело его антизападнические, в том числе большевистские интерпретаторы. Герцен оказывается вовлечен в общеевропейский кризис жизни и сознания, и он, вместе с западными мыслителями, настойчиво ищет пути выхода, ибо, по его глубокому убеждению, исход борьбы «старого европеизма» и «новой китайщины» еще вовсе не предрешен. Спасти личностное начало или окончательно утратить его — процесс вероятностный, и Герцен неоднократно подчеркивает, что все зависит от способности свободных личностей противостоять давлению среды и принудительной нивелировке.

Боль за русского человека

Размышления о судьбе Европы всегда являлись для А. И. Герцена выражением боли за те «колossalные уродства», которым подвергается человеческая личность в России. В работе «С того берега» (1849) эти мотивы звучат особенно отчетливо. Слова Герцена, написанные им полтора века назад, впрочем, полностью применимы и по отношению к русскому двадцатому веку, да и к сегодняшним дням — в немалой степени: «Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы изуродовались под безнадежным гнетом и уцелели кой-как... Томимые желанием знать, мы подслушиваем у дверей, стараемся разглядеть в щель... Мудрено ли после этого, что мы не умеем уладить ни внутреннего, ни внешнего быта, лишнее требуем, лишнее жертвуем, пренебрегаем возможным и негодуем за то, что невозможное нами пренебрегает; возмущаемся против естественных условий жизни и покоряемся произвольному вздору»**.

* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 148–149.

** Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: в 8 т. Т. III. М.: Правда, 1975. С. 239.

В итоге, в России, по мысли Герцена, начал доминировать тип «псевдоевропейцев» — людей, которых он часто называл «амфибиями» и главными видовыми признаками которых считал неумение ни сохранить русскую традицию, ни усвоить западную цивилизацию. В поздних «Письмах к противнику» (1865) Герцен отмечал, что, в результате ориентации русского самодержавия на «прусские образцы», худшие свойства немца приобрели в России гипертрофированное и опасное выражение: «В мещанском мизере немецкой жизни фельдфебельству негде было расправить члены; на русском черноземе благодаря помещичьему закалу оно быстро развилось до заколачивания в гроб и до музыки в шпорах»*. Герцен определял существо правящего класса в России как сращение «немецкого бюрократа» с «византийским евнухом».

Между тем, по мнению Герцена, не менее опасный тип личности формируется и в среде русской оппозиции. Горестные оценки изуродованной русской личности с особой силой ставили перед Герценом вопрос: кто же в таких условиях способен в России взять на себя инициативу освобождения? Его очень беспокоил нарождающийся тип человека, в сегодняшнем дне абсолютно «лишнего», и именно поэтому часто готового все растоптать в истовом стремлении в «день завтрашний». Герцен называл эту новую породу русских, народившуюся в годы николаевского безвременья, «желчными людьми», «желчевиками»: «Первое, что нас поразило в них,— <...> злая радость их отрицания и страшная беспощадность <...>. Там, где наш брат останавливался, оттирал, смотрел, нет ли искры жизни, они шли дальше пустырем логической дедукции и легко доходили до тех резких, последних выводов, которые пугают своей радикальной бойкостью <...>. В этих выводах русский вообще пользуется перед европейцем страшным преимуществом, у него нет ни традиции, ни родного, ни привычки»**.

* Герцен А. И. Письма к противнику // Герцен А. И. Соч.: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1985. С. 426.

** Герцен А. И. Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 322–323.

Таким образом, проблема, по Герцену, состояла в том, что новый тип русского оппозиционера — прямой результат насилиственной, а потому поверхностной и ненадежной европеизации России: «Всего безопаснее по опасным дорогам проходит человек, не имеющий ни чужого добра, ни своего. Это освобождение от всего традиционного доставалось не здоровым, юным натурам, а людям, которых душа и сердце были поломаны по всем составам <...>. Чему же дивиться, что юноши, вырвавшиеся из этой пещеры, были юродивые и больные?»*. Герцен очень опасался, что именно эти «новые люди», которым в России «нечего терять», начнут в скором времени определять будущее страны. К несчастью, он не ошибся...

Есть ли спасение?

В каком же направлении Герцен ищет выход из тисков псевдоевропеизации? Его европеистская ипостась не приемлет возвращения назад, в допетровскую Москвию. Ведь «кнут, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутенов и фухтелей». Но и идти вперед по дороге, по которой ведет «цивилизатор с кнутом в руке, с кнутом же в руке преследующий всякое просвещение», Герцен не хочет. И он приходит к нетривиальному выводу: вернуться надо, но не к «диким формам» допетровской Руси, а к ее преображеному «человеческому содержанию». На место волевого усилия «царя-реформатора», которого ранний Герцен искренне считал адекватным заменителем европейской Реформации («у нас целый переворот, кровавый и ужасный, заменился гением одного человека»), должна прийти подлинная Реформация, как переосмысление национальных первоистоков — низовой демократии, не покореженной ни «татарством», ни «неметчиной». Фактически именно русскую Реформацию Герцен и называл «русским социализмом».

Только в этом контексте можно понять отношение Герцена к русской общине. Именно в сложности герценовской

* Там же. С. 323.

позиции лежит разгадка того факта, что, спустя несколько десятилетий, деятели русского земского движения смогли с полным правом записать Герцена в ряд родоначальников «либерального земства».

Герцен никогда не идеализировал общину, но и не мог не отметить, что община, при всех ее недостатках и даже пороках,— едва ли не единственный институт, который во всех драматических коллизиях русской истории оказывался способным уберечь остатки «свободы лица». В работе «Русский народ и социализм» (1851) Герцен перечислял эти несомненные заслуги русской общины в деле сбережения личности от натиска внешних принудительных форм: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти»*. А в известных «Письмах Линтону» (1854) Герцен в наиболее четком виде сформулировал те принципы, которые русская община имеет шанс (именно шанс — не более!) реализовать, чтобы обеспечить в конечном счете свободное развитие личности. Главное здесь в том, что община для Герцена — это возможный фундамент «очеловеченной собственности», народного низового самоуправления и представительства — модель, которую затем необходимо распространить на все общество.

Герценовский расчет на общинное самоуправление, как прообраз будущего *общенационального гражданского общества*, оказался несостоятельным. Но это была еще одна — попытка ответить на общий вопрос, волнующий русских либералов: как в России пройти между Сциллой реакции и Харибдой революции? Как уберечь на этом пути человеческую личность и ее достоинство? «Третий путь» Герцена не был реализован — впрочем, точно так же, как и все иные либеральные предложения.

* Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VII. С. 323.

Что ж, Александр Иванович Герцен был абсолютно русским человеком и, несмотря на свою гениальность, вполне подпадал под им же самим сформулированные гениальные определения russкости: «...нам хочется алхимии, магии; а жизнь и природа равнодушно идут своим путем, покоряясь человеку по мере того, как он выучивается действовать их же средствами»*.

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VI. С. 24.